

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns, framing the central text.

ЭЛОИЗА
ДЖЕЙМС

*Три недели
с леди Икс*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д40

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Eloisa James

THREE WEEKS WITH LADY X

Перевод с английского *А. М. Медниковой*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения InkWell Management LLC.

Джеймс, Элоиза.

Д40 Три недели с леди Икс : роман / Элоиза Джеймс ; [пер. с англ. А. М. Медниковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-088093-5

Торн Дотри богат, хорош собой... но, увы, джентльменом по воспитанию назвать его так же сложно, как и джентльменом по происхождению, а значит, ни одна достойная невеста не примет его предложения. В отчаянии он обращается за помощью к знаменитой леди Ксенобии Сент-Клер, признанному авторитету в области интерьеров, нарядов и манер, дабы она за три недели совершила чудо, превратив его запущенное имение Дотри в жемчужину элегантности, а его самого — в настоящего светского льва. Заинтересованная Ксенобия принимает предложение, но очень скоро отношения ученика и учительницы перерастают в страстную, пылкую любовь — любовь, которая может погубить будущее обоих...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Eloisa James, 2014

© Перевод. А. М. Медникова, 2015

ISBN 978-5-17-088093-5

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

14 июня 1799 года

Чарлз-стрит, дом 22

Лондонская резиденция Дибблширов

— Леди Ксенобия, я обожаю вас!

На лбу лорда Дибблшира блестели бисеринки пота, руки его тряслись.

— Тщетно я противился! Я не в состоянии более сдерживать своей страсти... я должен открыться вам... нет, уведомить вас о том, сколь глубоки мои чувства!

Индия с усилием поборола желание отпрянуть. Вместо этого она попыталась изобразить идеальную улыбку светской леди — вполне милую, однако не вдохновляющую на дальнейшие излияния чувств. Впрочем, она не была уверена, что такая улыбка вообще существует...

В любом случае это было много уместнее рвущегося наружу вопля: «Черт подери, неужели опять?!» Дочери маркизов — даже покойных и, по мнению большинства, безумных маркизов — не могут позволить себе такого. А жаль... черт подери!

Улыбка, похоже, не возымела должного действия, поэтому Индия изрекла банальность:

— Вы оказываете мне честь, коей я недостойна, лорд Дибблшир, но...

— Знаю! — сказал как отрезал Дибблшир, несказанно изумив девушку, но тотчас нахмурился: — То есть... я хотел сказать — ничего подобного! Ибо вы достойны любой чести! Я отринул

все предрассудки, и пусть кое-кто полагает, будто ваша профессия пятнает вашу репутацию, я... я знаю правду! И она восторгается!

Ого, вот это да! Но прежде чем Индия успела заговорить о правде (или отсутствии таковой), он рухнул на оба колена.

— Я женюсь на вас, леди Ксенобия Индия Сент-Клер! — взревел он, выкатив глаза, сам до глубины души потрясенный вырвавшимися у него словами. — Я, барон Дибблшир, женюсь на вас!

— Прошу вас, встаньте! — Индия едва не застонала в голос.

— Я знал, что вы откажете мне — виной всему ваша беспримерная скромность! Но я все решил, леди Ксенобия. Магия моего титула — ну и вашего, разумеется — сможет перечеркнуть тлетворное влияние вашей... э-э-э... неподобающей профессии. Увы, ваше бедственное положение принудило вас... но стоит лишь мне объявить... Высший свет примет нас... примет вас, как только вы примете оказанную вам честь и станете баронессой Дибблшир!

Индия от ярости стиснула зубы. Да, это правда: репутация ее существенно пострадала оттого, что она в свое время отказалась сидеть дома, занимаясь изящным рукоделием. Но поскольку она — дочь маркиза, то, если рассудить здраво, это Дибблшир должен почитать за честь право танцевать с ней! Впрочем, это мало заботило Индию. К тому же ее всюду сопровождала крестная — и даже сейчас леди Аделаида Свифт, находясь достаточно близко, могла расслышать каждое слово — в любом случае присутствие Аделаиды было залогом сохранения девственной чистоты репутации Индии, невзирая на ее «неподобающую» профессию.

Кто бы мог предположить, что задача обустройства чужих жизней может запятнать ее лилейно-белые крылышки?..

Тут двери распахнулись, и на пороге возникла мать ее кавалера. Сердечко Индии заколотилось. Нет, не стоило ей соглашаться на просьбу обставить по-новому гостиную баронессы, как бы интересна ни была эта задача! А так хотелось привыкнуть все эти безвкусные египетские безделушки и...

— Боже праведный, Говард, что ты делаешь? — заломила руки леди, отчего ощущение фарса усугубилось.

Дибблшир вскочил на ноги с резвостью, неожиданной для человека, чей объемистый животик перевешивался через пояс бриджей:

— Я только что объявил леди Ксенобии о том, что люблю ее, и она согласилась стать моей женой!

Индия встретилась взглядом с леди Дибблшир и, к величайшему счастью, уловила в глазах той проблеск сочувствия.

— Его светлость неверно поняли меня... — начала девушка.

— Увы, в этом у меня не было и тени сомнения! — воскликнула баронесса. — Дитя мое, — обратилась она к сыну, — всякий раз, когда ты столь блестяще демонстрируешь сходство с твоим отцом, я прихожу в отчаяние!

Дибблшир насупился и бросил преданный, совершенно собачий взгляд на Индию:

— Я не приму вашего отказа! Я две ночи не спал, я не мог думать ни о чем, кроме вас! И вот я принял решение спасти вас от вашей тягостной участи!

Он протянул к ней руку, однако Индия проворно сделала шаг назад:

— Лорд Дибблшир...

— Вы мечетесь от дома к дому, вы неустанно трудитесь... — Его бледно-голубые глаза были преданно устремлены на девушку.

— О господи, Говард! — воскликнула леди Дибблшир. — Если мы когда-нибудь вчистую разоримся, я искренне верю, что ты сможешь прокормить нас, блистая на сцене! Но тем не менее мой материнский долг предупредить тебя, что ты безбожно переигрываешь! Ты вульгарен!

Видимо, его светлость не вполне понимал разницу между вульгарностью и благородным прямодушием, потому что Дибблшир бросил на мать взгляд, полный возмущения.

— Леди Ксенобия — наша дорогая, бесценная гостья! — продолжала баронесса. — И она весьма любезно согласилась помочь мне с переустройством моей гостиной, а заодно и пообещала, что уговорит бесценную миссис Флашинг стать нашей поварихой. За что, — она взглянула на Индию, — я буду у нее в неоплатном долгу...

Индия обладала талантом подбирать прислугу: слугам с явными дарованиями в той или иной области она подбирала добрых и щедрых хозяев, могущих оценить их по заслугам. Миссис Флашинг, например, прозябала в услужении у генерала, страдающего несварением, и явно была бы счастлива готовить для полнокровного Дибблшира и его матушки.

— Похоже, Говард, — продолжала баронесса, — ты весьма доволен стряпней миссис Флашинг, судя по твоему растущему брюшку...

Дибблшир, нахмурившись, одернул жилет.

Индия открыла было рот, чтобы произнести что-нибудь утешительное, но тут в комнату ворвалась ее крестная.

— Дорогие мои, — провозгласила леди Аделаида, — очаровательный мистер Шератон прислал обворожительный маленький столик красного дерева! Джейн, вы будете в восторге, вы будете просто очарованы!

Аделаида и леди Дибблшир некогда были школьными подругами — впрочем, все клиенты Индии некогда были добрыми друзьями ее крестной матери.

— О, это так мило! — воскликнула леди Дибблшир. — И куда, по-вашему, следует его поставить, леди Ксенобия?

Индия стяжала себе славу, обставляя комнаты неординарно: необычно и асимметрично, но весьма привлекательно.

— Мне непременно нужно увидеть этот столик, чтобы понять... но, полагаю, он будет хорош вон в той композиции, под южным окошком.

— Блестяще! — воскликнула Аделаида, хлопая в ладоши. — О твоей гостинной пойдет молва по всему Лондону, Джейн, попомни мои слова!

— Мы пойдем и полюбуемся столиком, — отвечала леди Дибблшир, — как только я объясню своему безалаберному сынку, что у вашей крестницы есть масса куда более неотложных дел, нежели слушать признания таких вот шалопаев!

— О, дорогая моя, не сердитесь на милашку Говарда! — Аделаида завладела рукой молодого барона: — Уверена, Индия счастлива была бы выйти за вас, будь обстоятельства иными!

— Я никогда бы не дерзнула опорочить ваше имя, памятуя о недостойной репутации, которую стяжала на своем жизненном пути, — произнесла Индия, адресуясь к барону. На губах ее играла искусно разыгранная жертвенная улыбка. — К слову, я видела вчера, как глядела на вас леди Уинифред Лентелл... впрочем, вы были предельно тактичны и предпочли не заметить ее недвусмысленных намеков. И кто я такая, чтобы встать на пути союза, к которому явно благосклонны небеса?

— Но я... люблю вас! — заморгал Дибблшир.

— Вы искренне полагаете, будто любите меня. Виной всему ваше благородное сердце. Уверяю вас, вы преувеличиваете сложность моего положения! К слову, я уже приняла решение оставить мою профессию...

— Неужели? — разинула рот миссис Дибблшир. — Да понимаете ли вы, что именно сейчас все жены Англии упрощают своих супругов, чтобы те прибегли к вашим услугам?

Однако Индия и ее крестная сейчас работали, словно части хорошо смазанного и отлаженного механизма — хотя бы в том, что касается разуверения влюбленного мужчины.

— Вам следовало бы сделать предложение руки и сердца мисс Лентелл. — Аделаида потрепала барона по руке. — Тем более что Индия рассматривает сейчас три... нет, четыре брачных предложения, включая таковые от графа Фитцроя и мистера Ньюджента — ну, того, что родом из Коултона, а вовсе не того, что из Баттлшенглера. И он со дня на день делается виконтом!

Заслышав это, барон еще сильнее ссутулился. Однако Аделаида подмигнула Индии:

— К тому же я вовсе не уверена, что вы с моей крестницей подходите друг другу. О, Говард, дорогой мой... моя возлюбленная крестница — та еще злючка! К тому же вам наверняка известно, что Фитцрой и Ньюджент несколько... ммм... постарше вас. Как, впрочем, и сама Индия. Ведь ей уже двадцать шесть, а вы все еще юноша...

Дибблшир вскинул голову и во все глаза уставился на Индию.

— Мисс Лентелл едва перешагнула порог своей классной комнаты, — воодушевленная, подхватила леди Дибблшир. — Ты мог бы помочь ей повзрослеть, Говард...

Барон заморгал в попытке осмыслить свое безумное увлечение, осознав, что предмет его страсти оказался четырьмя годами старше его.

Индия усилием воли удержалась от того, чтобы делано хлопнуть пальчиками по наружным уголкам глаз, но все же строила «старушкино лицо». И сделала это весьма старательно. Возможно, тут послужили подспорьем ее необычайно светлые волосы — тетя Аделаида то и дело настаивала, чтобы Индия покрасила их в какой-то иной цвет.

— Лорд Дибблшир, ваше предложение я благодарно сохранию в тайниках моего сердца... — Индия перевела дыхание.

Его светлость тяжело вздохнул:

— Всем сердцем приветствую ваше намерение оставить этот... оскорбительный род занятий, если можно его так назвать, леди Ксенобия. И разумеется, желаю вам всяческого счастья.

Его любовь к ней умерла... И мир праху е!

Спустя некоторое время Индия поднялась по ступеням в крошечную гостиную, которую леди Дибблшир и крестная избрали своим прибежищем на время ремонта. Завидев свое отражение в зеркале, Индия взгляделась в него, силясь рассмотреть морщинки у глаз... однако ни единой не увидела. Чья бы ни была на то воля, но в двадцать шесть Индия выглядела так же, как и в шестнадцать: чересчур пышные волосы, чересчур пухлая нижняя губка, чересчур роскошная грудь.

И ни следа — по крайней мере в зеркале — печали на личике, одолевающей ее всякий раз, когда она подумывает о том, чтобы принять брачное предложение...

Индии ловко удавалось отказывать мужчинам. Дурно ей делалось лишь при мысли о том, чтобы принять мужское предложение. Однако, так или иначе, ей придется рано или поздно выйти замуж. Нельзя же, в самом деле, кочевать из дома в дом и таскать за собой свою ни в чем не повинную крестную...

Осиротев в пятнадцать лет и отправившись жить к тете Аделаиде, в ее странный, погрязший в хаосе дом, Индия быстро поняла, что если не наладит тетушкиного быта, то ни одна душа на свете этого не сделает. Ну а когда леди Аделаида всячески превознесла дарования Индии в письме к подруге, предварившем их визит к ней... то Индии ничего не оставалось, как всячески обустроить и приукрасить очередной дом. Ну а дальше слух о ее необычайных талантах стал передаваться из уст в уста, и в течение последних десяти лет они с тетей Аделаидой делали порядка двух или трех подобных визитов ежегодно.

...Нечто завораживающее было в том, чтобы создавать порядок из полного хаоса. Обычно Индия полностью перedelывала одну-две комнаты, а еще пересматривала штат прислуги — а затем уезжала, твердо зная, что хозяйственный механизм будет функционировать как часы, если только хозяева, взявшись за старое, все не испортят... Каждый новый дом был для нее новой, захватывающей задачей...

Однако настало все же время остановиться. Выйти замуж. Обзавестись собственным домом. Проблема состояла лишь в

том, что, проникая раз за разом в святая святых чужих жилищ, Индия сумела рассмотреть самую изнанку брака, не увидев там ровным счетом ничего привлекательного для себя. Может быть, кроме детишек...

...Это была наиболее сложная часть ее работы: подыскивать нянь и обустроить детские для малюток своих ровесниц. Именно горячее желание иметь дитя и заставило Индию задуматься о том, что пришла пора выйти замуж.

Вопрос лишь в том, за кого именно выходить...

Или по-другому: найдется ли кто-то, за кого стоило бы выйти?

Индия никогда не считала себя знатоком грамматики — возможно, оттого, что ее отцу не удалось нанять ей гувернантку. Ведь слуги, каковы бы они ни были, не терпели неуплаты за работу. К тому же богобоязненные английские слуги не могли спокойно стерпеть того, что их господа танцевали обнаженными под луной...

Вспомнив о родителях, Индия поморщилась, будто от боли. Много лет пыталась она понять их — своих блестящих, любящих друг друга, полусумасшедших родителей, много лет жаждала она нежности, внимания... да порой просто сытного ужина! Но все же они любили ее. Это не подлежит сомнению.

У любых родителей есть достоинства и недостатки. Ее родители любили ее, и это было хорошо. Однако они присягнули богине Луны, а вовсе не королеве Англии, и это было весьма плохо...

А порой они забывали покормить свою дочку. И это было хуже всего...

Наверное, ее страх перед замужеством сформировался еще в детстве. Выйти замуж означало бы довериться супругу, вместо того чтобы заботиться о себе самостоятельно. Выйти замуж означало бы принять как должное, что именно супруг будет ответственным за их счета. А от одной мысли о том, что некто вроде Дибблшира, а не она сама беседует с агентом по недвижимости, Индию замутило...

Она судорожно сглотнула. Да, порой ей начинало казаться, что она смогла бы привыкнуть к жизни с мужчиной. Вопрос в другом: сыщется ли такой, которому она согласилась бы подчиниться?..

Отец ее был нежным и любящим, однако его всецело захватили некие неясные игры с недвижимостью. Притом

он порой забывал оплатить счета булочника и дворецкого. А также регулярно забывал о том, что у него есть родное дитя, единственная дочь... Они с матерью погибли во время путешествия в Лондон, предпринятого по неустановленной причине, хотя у них явно недоставало денег для подобного вояжа...

Именно поэтому ничего удивительного не было в том, что внутри у Индии все сжималось при одной лишь мысли о том, чтобы довериться мужчине.

И все же она могла пойти на это — с одной-единственной крошечной оговоркой.

Дело было за малым: найти мужчину, нежного и доброго, к тому же умного настолько, чтобы понять, что именно она, Индия, будет заправлять их общим хозяйством!

Ибо, каким бы сложным ни было дело, Ксенобия Индия Сент-Клер, дока по части превращения хаоса в порядок, блестяще справится!

Глава 2

Тот же день.

Ганновер-сквер, дом 40

Лондонская резиденция мистера Тобиаса Дотри, эсквайра

По праву рождения старшему сыну герцога надлежало быть холемым и самодовольным, ибо первородство обеспечивало ему по английским законам земли и титул. И самыми большими его заботами должны были быть порвавшиеся во время псовой охоты бриджи или же случайная любовница, оставившая его ради маркиза, превзошедшего его по мужской части...

Однако это было бы справедливо в отношении старшего сына, рожденного в законном браке.

Совершенно по-иному дело обстояло с незаконным сыном, рожденным от восхитительной странствующей оперной певицы — дивной женщины, остановившейся на отдых в резиденции герцога Вилльерза на срок, достаточный для того, чтобы произвести на свет сына и... упорхнуть прочь, словно жаворонок, стремящийся в теплые края.

Торн Дотри не был ни холемым, ни самодовольным. Даже когда казался безмятежным, Торн всегда готов был к самозащи-

те, и не без причины: все свои юные годы он привык отражать смертельную опасность.

Он превратился в мужчину, привыкшего полностью контролировать свой собственный мир, все и вся в нем, и даже не пытавшегося делать вид, что не знает тому причины. Он мог позволить себе вполне расслабиться, лишь сидя вот так, в компании лучшего друга, товарища детства и юности, Вэндера.

Низкий голос Вэндера нарушил благостную тишину, царящую в библиотеке:

— Не одобряю твоего выбора, Торн. Безусловно, Летиция Рейнзфорд вполне могла бы стать кому-нибудь недурной супругой, однако тебе она не годится. Почему, скажи мне, бога ради, ты выбрал именно ее?

Эвандер Септимус Броуди, будущий герцог Пиндар, лениво растянулся в кресле напротив, придерживая на животе стакан бренди. Вэндер был ближайшим другом Торна со времен обучения в Итоне — с той самой поры, когда ему приходилось доказывать свою состоятельность при помощи кулаков. Именно тогда эти двое, не сумевшие превзойти один другого в драке, сдружились навек...

Порой Торну казалось, что они с Вэндером словно две стороны одной медали: он, незаконный герцогский сын, вынужденный ежечасно отстаивать свою позицию в свете, и Вэндер, вполне законный герцогский отпрыск, совершенно не соответствующий общепринятому мнению о таком. Вэндер был чересчур прям, чрезмерно мужественен, крайне силен для того, чтобы удовлетворять требованиям изысканного английского света.

Торн изумленно вскинул бровь — на ярмарке невест Летиция почиталась едва ли не сокровищем. Очарование ее было даже чересчур очевидно.

— И ты в самом деле не понимаешь?

— Ну, я знаю, что она весьма хороша собой. И что тебе предстоит отбить ее у своры юнцов, сочиняющих сонеты в честь ее прелестного носика. И все же она не годится для тебя.

— И почему ты так решил?

Торн на самом деле был изумлен. Вэндер вовсе не походил на будущего герцога: спутанные волосы, тяжелая челюсть кулачного бойца, а вовсе не аристократа — да и поведение у него было вовсе не аристократическое. Он никогда не посещал балов — и

где же тогда, черт возьми, ухитрился он повстречать эту утонченную деву, мисс Летицию Рейнзфорд?

— Я сидел рядом с ней за столом на обеде у моего дяди. Она и в самом деле прехорошенькая. Но... в качестве твоей жены... нет, никуда не годится!

— Я все решил. Именно она. — Торн сделал глоток бренди и поставил бокал на столик. — Она красива, благородного происхождения, прекрасно воспитана. Чего мне еще желать?

— Мозгов! — Вэндер не сводил глаз с Торна.

— В постели мне ее мозги вовсе не надобны, — сухо ответил Торн. В его представлении Летиция отвечала абсолютно всем требованиям, которые только можно предъявить к супруге и матери будущих детей... даже если изысканный ум и не входил в число ее добродетелей. — Полагаю, одна из причин процветания моих фабрик — то, что у меня каждый человек на своем месте. По сути, меня не слишком волнует, чего у Летиции недостает, — главное, что в ней нет ничего лишнего.

— Полагаешь, я слишком строг? — фыркнул Вэндер. — Но ведь тебе придется жить с женщиной...

— Твоя правда, — отвечал Торн, — но я точно так же живу со своим дворецким. И какова тут разница? За исключением того, что с Иффли мне не приходится делить ложе. Летиция станет матерью моих детей и, на мой взгляд, обладает всеми статями, чтобы их прекрасно выкормить. Впервые я увидел ее на Круглом пруду в Кенсингтон-Гарденс — она наблюдала, как мальчишки запускают игрушечные кораблики.

Его будущая невеста наверняка не одобрила бы этого сравнения, но тогда она показалась Торну необычайно похожей на бездомную собаку, которая с радостью последует за новым хозяином в обмен на малую толику доброты... Это казалось совершенным абсурдом — ведь она была красива, словно дикая роза, с роскошными волосами, достойными боттичеллиевского ангела. И должна была бы быть уверена в своей безраздельной власти над мужчинами — но все же в глазах ее, казалось, навек застыло выражение отчаяния, словно она молила о спасении.

В его понимании это будет честная сделка. Ее красота в обмен на защиту с его стороны.

— И ты намерен покинуть свою жену в этой твоей новой усадьбе с кучей детишек?

— Не вижу причин жить с ней в Старберри-Корт.

Отец Торна научил сына не многому — пожалуй, лишь фехтовать. Торн намеревался стать точно таким же отцом, а для этого вовсе не обязательно было жить с супругой под одной крышей.

— И все же задача матери — не просто кормить свое потомство, — возразил Вэндер. — Слышал я, ученые утверждают, что дитя наследует интеллект поровну от обоих родителей.

Торн лишь непонимающе взглянул на друга. Его дети будут *его* детьми, точно так же, как дети его отца — плоть от плоти герцога. Он и герцог Вилльерз были словно изваяны из одной глыбы мрамора. И дело тут было вовсе не в седой прядке в волосах, появившейся у обоих в возрасте девятнадцати лет. Их роднила и форма нижней челюсти, и то, как они вели финансовые дела — даже дышали они с отцом, кажется, в унисон...

Ну а если требовались еще доказательства, то пожалуйста: герцог нажил детишек с пятью разными женщинами, и все они, вне зависимости от пола, были маленькими копиями батюшки.

— Разумеется, я буду только рад, если дети пойдут наружностью в мать, — прибавил Торн, криво усмехнувшись.

— Черт тебя подери, Торн! — поморщился Вэндер. — Сдается, ты воспитаешь бедных малюток, словно стаю волчат!

Торн осклабился:

— Лучше сам найди себе невесту! Не хочешь же ты, чтоб твои волчата оказались слабаками против моих, а?

— Я покуда не встретил своей женщины... — Вэндер сделал глоток бренди и откинулся на спинку стула. Торн в отличие от друга никогда не сидел в кресле развалиясь. Это существенно ослабило бы его позицию: в случае если понадобилось бы отразить неожиданный удар, он потерял бы драгоценные секунды...

— Так почему бы тебе не попросить Элеанор подобрать тебе подходящую кандидатуру? — спросил Торн.

Его мачеха, герцогиня Вилльерз, была знакома в высшем свете со всеми достойными девушками на выданье. Более того, она была прирожденным стратегом и счастлива была бы обеспечить достойное будущее герцогства Пиндар.

Однако Вэндер отрицательно покачал головой:

— Я желаю того, что имеет твой отец.

— О чем это ты?

— Ты знаешь, о чем я.

— Ты хочешь Элеанор?

Торн, честно говоря, был обескуражен. Мачеха его была необычайно красива, образованна... а еще она всем сердцем любила его отца. Ее вовсе не интересовали молодые мужчины, да и мужчины вообще — за исключением обожаемого супруга.

Он метнул на Вэндера взор из разряда тех, которыми одаривал карманников, прежде чем пересчитать им зубы.

— Руки прочь от моей мачехи! Вот уж никак не подозревал за тобой подобных наклонностей...

— Видел бы ты свое лицо! — Вэндера буквально распирало от сдерживаемого смеха. Наконец, совладав с собой, он сказал: — Твоя мачеха изумительная женщина. Но я вовсе не претендую на нее, идиот! Я желаю, чтобы в моем браке все было так же, как у них с твоим отцом! В этом смысле я и вправду хочу того, что имеет Вилльберз. — Он снова сделал порядочный плоток из бокала. — И черт меня побери, если я удовольствуюсь меньшим!

— Вот уж не сказал бы, что тот брак, к которому стремлюсь я, — это меньшее! — возразил Торн. — Просто он... ну, совсем иной. Жизнь моего отца неразрывно связана с Элеанор, так же как ее жизнь — с ним. Они дышат друг другом — однако я не вижу в этом причин для нас с тобой пересматривать свои привычки в отношении слабого пола! Взять хоть тебя: ты вечно объезжаешь своих лошадей, вечно пропадаешь на соревнованиях по стипль-чезу*. Мне нетрудно вообразить тебя женатым — но представить себе, что супруга стала для тебя центром Вселенной... нет уж, уволь!

— А я попытаюсь, чтобы в моей семейной жизни все так и было!

— Но зачем?

— Ты и в самом деле не понимаешь зачем? — иронично вздернул бровь Вэндер.

— Вот что я знаю наверняка: Летиция потрясающе хороша собой, к тому же она истинная леди, которая сумеет защитить моих детей, и благодаря ей ими не будут гнушаться в обществе, несмотря на то что их отец незаконнорожденный. — Торн был необычайно серьезен. — Одна из причин, почему я восхищаюсь своей мачехой, — это то, что она совсем не похожа ни на одну

* Скачки с преодолением препятствий.

из известных мне женщин. Честно говоря, я начинаю уже думать, что таких более не существует на всем белом свете.

— Такие непременно где-то есть, Торн. — Вэндер поднялся и сверху вниз взглянул на друга. — Я хочу любить женщину так, как твой отец любит свою жену. И если она при этом будет походить на торговку яблоками с рынка, меня это не волнует! Я хочу испытывать страсть к жене. Не думаю, что желаю чересчур многого...

— Мой отец однажды едва не женился на женщине, которой самое место было в Бедламе, — сказал Торн, слегка откидываясь на спинку кресла, чтобы видеть лицо Вэндера. — А с Элеанор его свела чистейшая случайность. Неужели ты считаешь, что твой идеал вот просто так, прогуливаясь, войдет в эти двери?

— А не войдет, так и невелика печаль, — равнодушно уронил Вэндер, беря графин и вновь наполняя свой бокал. — Если мне предстоит в корне переменить свою жизнь ради женщины, то, черт возьми, она должна стоить этих хлопот!

Эти слова Вэндер произнес не без умысла. Торн явно почитал брак делом весьма хлопотным. Чтобы добиться Летиции, ему предстояло приобрести загородное имение — и это невзирая на то, что ему вполне комфортно жилось в Лондоне! Более того, он уже имел штат прислуги числом двадцать три человека, и это не считая рабочих на фабриках, служащих адвокатских контор и многого другого...

Но он хотел иметь детей, а тут без супруги никак не обойтись... Торн любил детей. Они забавны, и не важно, мальчики это или девочки. Они обожают задавать вопросы, хотят понять, как устроен этот мир...

— Коль скоро ты принял решение изменить свою жизнь, то позволь поинтересоваться: отношения с твоей любовницей ты хотя бы сохранишь? — Вэндер снова уселся в кресло, бережно придерживая бокал, чтобы не расплескать бренди.

— Я порвал с ней в тот самый день, когда встретил Летицию.

— Тогда позволь указать тебе на очевидное. Этим ты подписываешь себе приговор: ты не будешь спать ни с какой другой женщиной, кроме Летиции Рейнзфорд, до самой чертовой могилы!

Торн пожал плечами:

— Она подарит мне детей. И несомненно, будет мне верна. Что странного в том, что я намерен отплатить ей той же монетой?